

Крашенинников Николай Александрович

Собрание сочинений

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н63

Н63 **Николай Александрович К.**
Собрание сочинений: Том 3 / Крашенинников Николай Александрович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 174 с.

ISBN 978-5-519-91021-7

ISBN 978-5-519-91021-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Старый домъ стоялъ на самомъ краю того уѣзднаго городка, на взгорьи, вдоль аллейки тѣнистыхъ липъ и молодыхъ высокоствольныхъ нѣжно-тонкихъ березъ. Домъ былъ каменный, двухъэтажный, помѣстительный, съ большими, немного неуклюжими окнами, стекла которыхъ, за старостью, отдавали всѣми цвѣтами радуги. Двери у дома были рѣзныя, дубовыя, со смѣшнымъ балясникомъ подъ навѣсами крылецъ. Этотъ затѣйливый балясникъ не подходилъ къ общему простому и, пожалуй, суровому стилю дома, но думалось, что безъ балясника домъ былъ бы какъ будто незаконченнымъ: казалось, не будь этой вычурной рѣзьбы, не ощущалось бы того чувства смѣшливой радости, какое непременно охватывало передъ домомъ всякаго жителя того городка. Такъ иногда внезапно радуешь насъ на строгомъ дѣтскомъ лицѣ веселая вычурная шляпка; на сурово-однообразномъ зимнемъ пейзажѣ— зеленая кудрявая елочка.

Уже давно умеръ самъ владѣлецъ дома Евтихій Корнѣевъ. Сынъ крестьянина, самоучка-механикъ, онъ изобрѣлъ какой-то двигатель, поступилъ на заводъ; дослужился тамъ до «хорошаго мѣста», но поссорился съ директоромъ изъ англичанъ и ушелъ назадъ въ свой городишко. Тамъ онъ выстроилъ себѣ домъ и лавку; женился на вдовѣ изъ дворянъ, самъ вмѣстѣ съ женой торговалъ и, торгуя, умеръ, оставивъ послѣ себя дѣтей, но не оставивъ имъ ничего, кромѣ небольшой лавки и заложеннаго дома.

Многое въ Корнѣевѣ было незаурядно; родился крестьяниномъ, а собралъ библіотеку тысячи въ четыре томовъ; любилъ механику, а сидѣлъ въ лавкѣ торговцемъ; и торговля у него шла умѣло, но не былъ онъ торгашомъ и не сберегалъ денегъ, раздавая ихъ «взаимы безъ отдачи», помогая устраиваться своимъ и чужимъ.

Рѣдкій въ городѣ не бывалъ долженъ Евтихію Корнѣеву. Однимъ давалъ онъ «на ученье», другихъ ссужалъ подъ огороды,—городъ существовалъ огородничествомъ,—третьихъ—на поправленіе дѣлъ. Крестьянинъ по происхожденію, онъ поддерживалъ деньгами окрестныхъ помѣщиковъ, лавочникъ по занятію—устроилъ въ городѣ школу; словно невольно показывалъ онъ, что можно было на всякомъ дѣлѣ быть человѣкомъ; одного онъ не любилъ: монастырей и монаховъ, и смѣялся надъ ними, несмотря на то, что жена его, Марья Ефимовна, была богомольна и передъ духовными трепетала.

Но жены въ этомъ Корнѣевъ не стѣснялъ, и домъ его былъ завѣшанъ старинными образами, и пахло въ каждой комнатѣ ладаномъ и масломъ.

На видъ онъ былъ хмурый и суровый. Глаза у него были стальные и острые, и странно было, какъ умѣщалось въ ихъ суровости столько человѣческой любви;

Черныя его брови, изогнутыя полумѣсяцемъ, сползали на глаза; старили его и рано посѣдѣлая борода, и складки на лбу, и манера ходить понутивъ голову, и осипшій голосъ... Дѣти его боялись—и въ то же время любили, и онъ любилъ ихъ, и совсѣмъ особенной, словно неидущей къ нему любовью, баловалъ ихъ и возился съ ними, не жалѣя свободного времени.

Для нихъ, напримѣръ, онъ выстроилъ на всемъ пространствѣ домашняго чердака большой деревянный городъ «Москву», въ которой были двухъэтажные церкви съ раскрашенными главами, больницы, разрисованные подъ кирпичные дома, торговые заведенія, лавки, улицы и телеграфъ.

Сдѣлалъ онъ эту оригинальную игру самъ лично, неустанно работая по праздникамъ на токарномъ станкѣ; въ каждомъ домѣ были надѣланы окна и двери и во всякомъ окнѣ были вставлены стекла, а въ лавкахъ разставлялись игрушечные товары, и настоящая проволока шла вдоль улицъ по телеграфнымъ столбамъ. Дѣти любили эту игру чрезвычайно: съ раннимъ утромъ забирались они на чердакъ и возились тамъ неутомонно, изображая и монаховъ, и телеграфистовъ, и лавочниковъ, и докторовъ.

Въ теплыя дни играть было въ особенности забавно: чердакъ былъ высокій и помѣстительный, и раскрывались въ немъ всѣ оконныя рамы; свѣжій вѣтеръ свободно бѣгалъ по игрушечнымъ улицамъ, а вверху, на крышѣ, пѣли и чирикали настоящіе дрозды, синицы и воробы.

II.

Но такъ же хорошо было и въ саду за домомъ, гдѣ цвѣли вишни, яблони и масса розъ. Евтихій Корнѣевъ былъ и любителемъ садоводства и за огородомъ смотрѣлъ: ни у кого въ городѣ не поспѣвали такія вишни и земляника, ни у кого не было такихъ громадныхъ арбузовъ и дынь. Десятины три было воздѣлано подъ садъ и огороды; тамъ же, у цвѣтника, одно время была и пасѣка и кропечный свѣчной заводикъ, гдѣ топили воскъ и готовили свѣчи. За цвѣтникомъ рядами тянулись яблони, кусты барбариса, крыжовника и малины; еще дальше ползли рядками молодыя березки и липы, и ногами подъ ними бесконечно сгорали въ синеватыхъ рѣянiяхъ свѣтлячки; а за липами было ужъ совсѣмъ живописно: безпорядочно разросшiеся кустарники розъ, бузины, орѣшника и жимолости карабкались по стремительной крутизнѣ обрыва книзу, къ красновато-золотой глинѣ и песку, вдоль стѣнокъ котораго протекала сонно журчавшая рѣчка Утопка, полная мелкой бисер-

ной рыбы и яркихъ разноцвѣтныхъ камней. Маленькая и неглубокая рѣчка питала своими водами всѣхъ жителей обрыва; корни березокъ, орѣшника и нѣжныхъ узорчатыхъ дубковъ, казалось, тянулись къ ней судорожно-жадно... и была странно-дикая и привлекательная красота въ этомъ неподвижномъ бѣгѣ кустарниковъ и цвѣтовъ.

Когда дѣти, порывисто хватаясь за встрѣчные кусты, быстро и шумно скатывались съ высоты на мягкую глину слегка тинистыхъ береговъ и смотрѣли оттуда ввѣрхъ, на обрывъ, по отвѣсу котораго не замѣчалось ничего, кромѣ молчаливо стоящаго, живого и привлекательнаго царства кустовъ, чувство робости и мечтательности охватывало дѣтскія сердца... смолкали возгласы, смѣхъ и крики; дѣти робко прижимались другъ къ другу и, присѣвши на замшелой скамьѣ у воды, молча и почтительно прислушивались къ ея таинственному журчанью, окруженные пылающими взглядами таинственныхъ звѣздъ.

Таковы были весна, лѣто и часть осени для дѣтей. Цѣлодневныя игры въ саду или на чердакѣ, короткіе обѣды и ужины съ молчаливымъ отцомъ и хлопочущей матерью; маленькіе разговоры, вечернія игры съ тѣмъ же отцомъ, молитвы передъ старыми строгими иконами и спанье на лежанкѣ подъ восторженный попотъ у лампадъ матери и сухое постукиваніе четокъ. Зимой же и осенью было гораздо скучнѣе: чердакъ съ его «Москвой» запирался наглухо, гулять обычно можно было лишь въ солнце (мать очень берегла дѣтей), не успѣвъ оглянуться, какъ на столахъ ужъ зажжены лампы... а тамъ и спать... И ужъ не такъ настраивали молитвы матери у кіотовъ, и звяканіе четокъ не манило ко сну.

III.

Дѣти, всѣ четверо,—три дѣвочки и мальчикъ,—росли дружно и тѣсно. Всѣ были черноволосые, всѣ сѣроглазые, они и смѣялись, и баловались, и плакали какъ-то одинаково. И было что-то еще болѣе роднившее ихъ между собой: это было чувство мечтательности, которое ихъ объединяло, навѣянное и зарожденное неподвижно-безмолвной жизнью уѣзднаго городка, самымъ характеромъ ихъ жизни (отецъ и мать цѣлыми днями торговали въ лавкѣ, и въ домѣ обычно двигалась лишь подслѣповатая нянька «Евпраксѣя»)... Сказывалось и вліяніе сумрачно-молчаливаго чердака, и заснуваго сада, и мечтательной рѣчки Утопки... Дѣти и не оглядывались, какъ катили своей однообразной чередой и лѣто, и весна, и холода, и дожди... Вереницей бѣжали дни и мѣсяцы, и такъ же незамѣтно, какъ и пришли, ушли двѣ младшихъ дѣвочки, Надя и Лена, и остались въ живыхъ только старшіе: Валя и Александръ.

Приходили священники, пѣли и читали нарастающе

молитвы, и у матери жалко тряслись руки, и по лицу сумрачнаго отца катились крупныя капли слезъ; Валя смотрѣла: эти слезы блестѣли огоньками, когда забѣгали въ нихъ лучи зажженныхъ свѣчей. Дѣти плакали также, но плакали потому, что видѣли слезы у старшихъ; на ихъ собственныхъ душахъ еще не плавало горе, и близость утраты еще не ощущалась.

Не плакали они много, когда вскорѣ умерла ихъ суетливая, много молившаяся мать; была она какъ-то незамѣтна: то ея не было въ домѣ, то она беззвучнымъ шопотомъ молилась у сумрачныхъ иконъ и только тайно и кланялась и перебирала четки... Когда же, какъ это ни было странно, черезъ недѣлю послѣ нея умеръ отецъ, печаль дѣтей была безпредѣльна. Александру и Валѣ было тогда по десяти лѣтъ (родились они близнецами), и смерть отца стала имъ вдругъ чудовищно близкой и понятной.

Обнявшись другъ съ другомъ, ходили они по опустѣлымъ комнатамъ дома, молча прислушиваясь къ торпливымъ приготовленіямъ двухъ пріѣхавшихъ тетокъ, которыя обѣ появились откуда-то съ одинаковыми лицами и обѣ говорили какими-то свистящими голосами и совсѣмъ одинаково шептали: «сиротки, сиротки», когда мальчикъ и дѣвочка проходили мимо нихъ по скрипящему желтому паркету.

Эти двѣ тетки такъ и остались въ домѣ, казалось, навсегда. Когда послѣ похоронъ отца Александръ и Валя пошли въ свою дѣтскую, слѣдомъ за ними, съ молчаливыми вздохами, направились и обѣ тетки. Онѣ обѣ перекрестили дѣтей на ночь и перекрестили одинаково и, обѣ похожія, ушли, черныя, тощія, согнутыя и неслышныя.

И утромъ, когда дѣти, спавшія вмѣстѣ, сошли внизъ

къ чаю, къ обѣденному столу,—они увидѣли за самоваромъ обѣихъ тетокъ, и одна изъ нихъ налила чаю мальчику, другая—дѣвчкѣ, и обѣ положили дѣтямъ по сухарю и сидѣли, пока тѣ пили, молча, строго и выжидательно.

Обѣ же онѣ были и за обѣдомъ и за ужиномъ; сидѣли на слѣдующій день, и на третій, и на четвертый, и черезъ мѣсяцъ.

Такъ побѣждали мѣсяцы и за ними годы, и во всемъ домѣ, не считая девяностолѣтней няньки Евпраксѣи и дѣвчонки-кухарки, стало жить четверо: двѣ старухи и двое ихъ: мальчикъ и дѣвочка.

IV.

Шли годы, однообразные, молчаливые, въ общемъ похожіе на прежніе, только съ удвоенной тишиной и молчаніемъ... и дѣти росли неотлучно другъ отъ друга, всегда вмѣстѣ, всегда объединенныя и внутренне. Старились и желтѣли ихъ молчаливыя тетки, старились на карнизахъ пѣтушки, темнѣли и плѣсневѣли обои на стѣнахъ, хирѣла штукатурка потолоковъ, и все больше и больше росли и расцвѣтали они, двое, да роскошные кустарники сада, да цвѣты.

Появилось въ жизни и разнообразіе: когда Александру и Валѣ исполнилось по тринадцати лѣтъ, въ домъ стали ходить учителя. И оба они садились тѣсно другъ къ другу на партѣ и оба смутно припоминали то, что когда-то объяснялъ имъ отецъ: какъ изъ буквъ составлялись слова и изъ словъ фразы, и были фразы, отъ которыхъ хотѣлось смѣяться, а инныя были таковы, что возбуждали печаль, ненависть и гнѣвъ.

Имъ обоимъ хотѣлось учиться, потому что каждая

новая фраза обогащала сердце; каждое слово книги открывало новое, и хотѣлось возможно скорѣе болѣе знать, чтобы возможно больше умѣть.

Учителя попались имъ совсѣмъ подстать къ дому: старые, точно линючіе, съ голосами, скрипѣвшими словно старинные часы; сначала ходилъ одинъ, позеленѣвшій отъ времени дьяконъ, потомъ онъ умеръ, и учителей стало трое. Изъ этихъ трехъ вниманіе дѣтей больше приковывалъ Кириллъ Ивановичъ, учившій ихъ русской грамматикѣ, но говорившій больше совсѣмъ не о томъ.

То, что рассказывалъ онъ, было странно и страшно: міръ, говорилъ онъ, не кончается здѣсь, міръ безконеченъ; то, что мы видимъ, это не существуетъ; дѣйствительно же существуетъ только невидимое: мельчайшія частицы воздуха, атомы, отцы всего—земли, деревьевъ, людей; и люди не умираютъ, только уходятъ съ одной земли, чтобы переселиться на другую; уйти съ земли очень легко: надо только встать гдѣ-нибудь повыше и потомъ усильнѣе оттолкнуться—и тогда полетишь на другую планету, въ иной міръ.

Про этого учителя нянька Евпраксѣя рассказывала имъ по ночамъ многое: что онъ сумасшедшій, что держать его родные изъ милости, что онъ не вѣритъ въ иконы и выдумываетъ вмѣстѣ съ дьяволомъ такую машину, чтобы полетѣть по воздуху на самый мѣсяцъ.

Когда тринадцатилѣтній Александръ спрашивалъ няньку:

— А кто—дьяволъ?

Лицо у Евпраксѣи дѣлалось испуганное, она махала рукой и сердитымъ шопотомъ говорила:

— А вотъ, залѣзь-ка въ понедѣльникъ въ печурку, небойсь увидишь.